

Г. М. КОРНИЕНКО

«Холодная война». Свидетельство ее участника*

<Фрагменты>

<...>

Факты, однако, говорят о том, что в действительности первые «выстрелы» в «холодной войне» были сделаны еще раньше, практически сразу после смерти Франклина Рузвельта 12 апреля 1945 года.

Была ли «холодная война» неизбежной?

Памятуя, что история не признает сослагательного наклонения, конечно, нельзя с полной уверенностью утверждать, что, не умри Рузвельт в столь ответственный для послевоенного развития момент и останься он на посту президента США до окончания своего четвертого срока в январе 1949 года, «холодная война» не возникла бы вовсе. И тем не менее с точки зрения выяснения того, когда и как она началась, думается, имеет существенное значение то, какими виделись послевоенные отношения между США и СССР Рузвельту и какой линии он намеревался придерживаться в этом вопросе.

Прежде всего, о том, что нам известно об этом со слов самого Рузвельта. В разгар Второй мировой войны, принимая 4 октября 1943 года верительные грамоты у нового советского посла Громыко, Рузвельт в ответном слове выразил уверенность в том, что

* Впервые: *Корниенко Г. М.* «Холодная война». Свидетельство ее участника. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. Печатается по этому изданию. С. 38–42, 45–48. — *Примеч. сост.*

«единство цели, объединяющее наши народы и страны в войне, превратится в тесное и прочное сотрудничество вместе с другими одинаково мыслящими странами в деле создания справедливого мира». В последовавшей затем беседе с советским послом президент особо подчеркнул, что считает поддержание и развитие дружественных отношений между США и СССР абсолютно необходимыми и соответствующими интересам обеих стран. Вслед за этим, вскоре после состоявшейся в ноябре 1943 года в Тегеране* встречи руководителей СССР, США и Великобритании, Рузвельт в послании Сталину от 4 декабря писал: «Я считаю, что конференция была весьма успешной, и я уверен, что она является историческим событием, подтверждающим нашу способность не только совместно вести войну, но также работать для дела грядущего мира в полнейшем согласии».

Но, может быть, подобные высказывания Рузвельта, обращенные непосредственно к советским руководителям, диктовались тактическими соображениями и не отражали его действительных взглядов? О том, что Рузвельт был искренен, свидетельствуют, в частности, сохранившиеся не предназначавшиеся для чужих глаз личные заметки президента, датированные 8 марта 1944 года: «Начиная с последней встречи в Тегеране мы работаем в действительно хорошей кооперации с русскими. И я считаю, что русские вполне дружественны; они не пытаются поглотить всю остальную Европу или мир».

Имеются и другие авторитетные свидетельства искренней уверенности Рузвельта в необходимости и возможности поддержания дружественных отношений между США и СССР после окончания войны. Так, его ближайший сподвижник Гарри Гопкинс говорил после Ялтинской конференции составителю речей президента Р. Шервуду: «Русские доказали, что они могут быть разумными и дальновидными, и ни у президента, ни у кого-либо из нас не было ни малейшего сомнения в том, что мы можем жить в мире с ними и сотрудничать так долго, как только можно себе представить». То, что Рузвельт мыслил при этом категориями неопределенно длительной перспективы, подтверждает и другой

* Первая встреча «большой тройки» на конференции в Тегеране в 22.11–01.12.1943. Конференция была призвана разработать окончательную стратегию борьбы против Германии и ее союзников. Также на ней был решен ряд вопросов о послевоенном устройстве мира и созданию ООН. — *Примеч. сост.*

хорошо знавший его человек — заместитель государственного секретаря США в годы войны Самнэр Уэллес. По его словам, Рузвельт «считал необходимым, чтобы оба правительства (США и СССР) осознали, что в области международных отношений взятые ими курсы могут всегда быть параллельными, а не антагонистическими». Из свидетельств того же Уэллеса видно, что Рузвельт руководствовался при этом не просто благородной, но абстрактной мыслью о «вечном мире», а интересами безопасности Соединенных Штатов, ибо он «понимал, что любая сторона (США или СССР) сможет обеспечить свою безопасность, только сотрудничая с другой стороной».

Иногда, правда, приходилось встречаться с такими суждениями некоторых американских историков, что не следует, мол, полностью полагаться на подобные свидетельства таких деятелей, как Гопкинс и Уэллес, так как они, будучи сами сторонниками послевоенного сотрудничества с Советским Союзом, могли в воспоминаниях вкладывать в уста Рузвельта во многом свои собственные мысли. Но вот свидетельство Р. Мэрфи — деятеля совсем иной политической окраски, никогда не питавшего симпатий к СССР. Вспоминая о наказаниях, которые ему давал незадолго до смерти Рузвельт при назначении его политическим советником американской военной администрации в Германии, Мэрфи писал: «Он требовал от меня помнить, что нашей первоочередной послевоенной целью будет советско-американское сотрудничество, без которого сохранить мир во всем мире было бы невозможно, и что Германия будет подходящей базой для такого сотрудничества».

Известно и то, что Рузвельт не ограничивался общими высказываниями насчет важности советско-американского сотрудничества после войны, но много внимания уделял разработке планов создания совместными с СССР усилиями эффективной международной организации, в рамках которой практически осуществлялось бы такое сотрудничество. Уэллес писал: «Он заявил мне: “У нас не будет сильной международной организации до тех пор, пока мы не сможем найти путь, посредством которого Советский Союз и Соединенные Штаты сотрудничали бы вместе для укрепления этой организации в течение многих лет”. Это было для него ключевой проблемой».

Итак, на мой взгляд, есть все основания утверждать: да, Рузвельт не только считал необходимым и желательным, но и был

уверен в возможности неограниченного во времени послевоенного сотрудничества США и СССР в интересах обоих государств и всего мира. Размышляя над этим, я не раз задавался вопросом: на чем, собственно, основывалась такая его уверенность? Определенным ответом, думается, могут служить следующие соображения, относящиеся еще к 1943–1944 годам.

В журнале «Форчун», издающемся в США для деловых людей и отличающемся аналитическим, непропагандистским подходом к рассматриваемым проблемам, в специальном приложении к номеру за апрель 1943 года, озаглавленном «Соединенные Штаты в новом мире», можно прочитать: «Россия предпочтет мир в Европе ее коммунизации. Аргументы в пользу этого предположения состоят в том, что Троцкий мертв, Россия после войны будет слишком слаба для агрессии в Европе, даже для идеологической. Сутью сталинизма является использование коммунизма в качестве инструмента русской национальной внешней политики, а Россия как государство, хотя она постепенно расширялась на протяжении веков, нуждается не столько в новых землях, сколько в безопасности на границах. *Если такая безопасность будет ей обеспечена* (выделено мною. — Г. К.), она скорее всего сосредоточит свое внимание на развитии своих огромных внутренних ресурсов». Примечательно, по-моему, такая деталь — этот вывод был сделан журналом «Форчун» еще до роспуска Коминтерна, о чем было объявлено 15 мая 1943 года.

О том, что в данном случае «Форчун» выражал мнение, совпадавшее с мнением Рузвельта и его окружения, свидетельствует аналогичное по смыслу высказывание Уэллеса, относящееся к 1944 году: «Нынешнее советское правительство дало ясно понять, что оно отказалось, по крайней мере временно, от идеи мировой революции... По окончании войны главные усилия советского правительства, несомненно, на протяжении многих лет будут направлены на восстановление и реконструкцию разрушенных городов и территорий, индустриализацию и подъем жизненного уровня населения». Фактически этот же вывод подтвержден и в секретном аналитическом документе «Возможности и намерения СССР в послевоенный период», подготовленном Объединенным комитетом начальников штабов США в январе 1945 года. В нем на основе обстоятельного и всестороннего анализа этой проблемы делалось заключение, что Советский Союз будет отдавать приоритет восстановлению экономики и ограни-

чится «классической моделью» создания «пояса безопасности» вдоль своей границы...

<...>

Не просто любопытны, но и, как мне представляется, существенно важны в этом плане воспоминания Элеоноры Рузвельт. В разговоре с супругом она однажды заметила, что для Уинстона Черчилля послевоенное время, видимо, будет более трудное, чем довоенное, и Рузвельт сказал: «Ты права. Это будет труднее для Уинстона, и я уверен, что в некотором роде г-на Сталина после войны будет легче побудить понять некоторые вещи». И дальше Элеонора добавляет от себя: «Он чувствовал, что мир идет к тому, чтобы быть значительно более социалистичным после войны, и г-ну Черчиллю, наверное, будет очень трудно приспособиться к новым условиям».

Это, конечно, не означает, что Франклину и Элеоноре Рузвельт мир виделся все более *социалистичным* по образцу советской модели социализма. Наверняка нет. Но приведенный выше обмен репликами между ними подтверждает, что расхождения, возникшие на том этапе как между СССР и западными союзниками, так и между самими западными союзниками, определялись скорее политическими интересами и взглядами, а не принадлежностью к той или иной социально-экономической системе. Следовательно, они не были непримиримыми. Решающее значение, очевидно, имела готовность сторон строить отношения друг с другом на равных, учитывать законные интересы друг друга, искать взаимоприемлемые компромиссы.

Понимание этого, судя по всему, было присуще Рузвельту, что придавало еще большую реалистичность его уверенности в возможности хороших отношений с СССР после войны. «Курс Франклина Рузвельта, — писал Ф. Шуман, — состоял в том, чтобы относиться к Советскому Союзу как к равному, сводить до минимума трения и регулировать расхождения путем обсуждения и компромисса». Ключевым, принципиально важным здесь представляется констатация готовности Рузвельта при всех мировоззренческих, социально-экономических и политических различиях между США и СССР строить отношения с ним *на равных*. Из этой посылки вытекает остальное — не заострять, а, наоборот, сглаживать возникающие трения и устранять расхождения путем поиска приемлемых для обеих сторон решений.

Опять-таки может возникнуть вопрос, не приписывает ли Шуман Рузвельту больше, чем было на самом деле, есть ли

другие доказательства того, что Рузвельт считал возможным и необходимым вести дела со Сталиным, с Советским Союзом на основе равенства? Да, такие доказательства есть. Обратимся в этой связи к двум на первый взгляд не связанным между собой эпизодам из опубликованных воспоминаний Громыко.

Первый касается его беседы с президентом Рузвельтом в конце сентября 1944 года, когда переговоры на конференции в Думбартон-Оксе* (проходившей с 21 августа по 7 октября 1944 года) зашли в тупик из-за несогласия американской и английской делегаций включить в Устав ООН принцип единогласия постоянных членов Совета Безопасности при принятии им важных решений. Из этой беседы Громыко сделал вывод, что у Рузвельта наметился отход от прежней отрицательной позиции в этом вопросе; он внимательно выслушивал аргументы в пользу указанного принципа, взвешивал их, размышляя вслух. И действительно, несколько позднее, уже в Ялте**, Рузвельт, а вслед за ним и Черчилль дали согласие на принцип единогласия. Кстати, в последующем, когда соотношение сил в ООН изменится, США сами не раз будут использовать право вето.

Второй эпизод касается беседы Громыко с фельдмаршалом Я. Смэтсом, руководителем Южно-Африканского союза, состоявшейся в ходе конференции в Сан-Франциско, где принимался Устав ООН. Суть ее заключалась в том, что Смэтс пытался убедить Громыко в необходимости упомянуть в Уставе Бога как высшего судью, которого должны бояться и люди, и государства. Однако, выслушав доводы против этого, поскольку затрагивалась идеологическая сфера, между тем как ООН призвана служить общим идеалам объединяемых ею государств вне зависимости от идеологических и иных различий, Смэтс вынужден был признать, что в контраргументации Громыко есть здравый смысл, и не стал настаивать на своем предложении. Но Громыко, рас-

* Конференция в Думбартон-Окс (август — октябрь 1944) — Международная конференция стран — участников Антигитлеровской коалиции, на которой обсуждались вопросы послевоенного устройства мира, учреждения международной организации по поддержанию мира и безопасности. — *Примеч. сост.*

** Ялтинская (Крымская) конференция союзных держав 4–11.02.1945 — вторая по счету встреча лидеров стран антигитлеровской коалиции — СССР, США и Великобритании — во время Второй мировой войны, посвященная установлению послевоенного мирового порядка. — *Примеч. сост.*

сказывая об этом любопытном разговоре со старым фельдмаршалом, не знал, что здравомыслие Смэтса проявилось еще раньше, в не менее важном вопросе: именно он, оказывается, сыграл положительную роль в том, что Рузвельт и Черчилль одобрили принцип единогласия постоянных членов Совета Безопасности ООН, в основе которого лежала идея равенства великих держав, включая Советский Союз.

Из опубликованных впоследствии мемуаров Черчилля стало известно, что, когда в сентябре 1944 года в Думбартон-Оксе переговоры зашли в тупик, он получил телеграмму от Смэтса. В ней последний, обстоятельно рассмотрев сложившуюся ситуацию, писал следующее: «Советский подход (относительно принципа единогласия. — Г. К.) вначале поразил меня как абсурдный, и я считал, что другие великие державы не должны уступать его [СССР] требованию, которое, по всей вероятности, будет отвергнуто также малыми государствами. Но, поразмыслив как следует, я склонен считать по-другому. Я думаю, Молотов искренен в изложении советского подхода, и Кадоган и Кларк Керр правильно полагают, что здесь вовлечены честь и положение России среди ее союзников. Она хочет понять, доверяют ли ей и относятся ли к ней как к равной или же она все еще остается парией и изгоем». Проанализировав далее опасность разногласий между союзниками после войны, Смэтс пришел к выводу, что если их пути разойдутся, то им не удастся создать эффективную международную организацию. Поэтому он рекомендовал Черчиллю поддержать принцип единогласия великих держав, руководствуясь «здравым смыслом и соображениями безопасности».

Из мемуаров же Черчилля известно, что он переслал телеграмму Смэтса американскому президенту, и изложенные в ней взгляды произвели большое впечатление на Рузвельта, который 28 сентября 1944 года телеграфировал Черчиллю: «Я с большим интересом прочел присланную Вами телеграмму от фельдмаршала Смэтса, и я думаю, мы все согласны с ним в том, что касается необходимости относиться к СССР как полноправному и равному члену любой организации великих держав, создаваемой с целью предотвращения международной войны».

Таков был подход Рузвельта к отношениям с Советским Союзом. На этих позициях он оставался до последних дней своей жизни. Это видно и из его переписки с Черчиллем, не предназначавшейся для чужих глаз. Известно, в частности, что в теле-

грамме Черчиллю, написанной им буквально за час до кончины, Рузвельт в связи с предстоявшим выступлением британского премьера, касавшимся позиции Советского Союза в польском вопросе, недвусмысленно высказался за сохранение «твердых, но дружественных отношений с русскими». «Я бы, — писал он, — насколько возможно, свел до минимума советскую проблему, потому что отдельные вопросы, связанные с ней, возникают в той или иной форме ежедневно и, по-видимому, большинство из них разрешается».

Таким образом, позиция Рузвельта была однозначной и определенной: он считал необходимым и возможным послевоенное сотрудничество с СССР именно на основе равенства и поиска взаимоприемлемых решений, в том числе в самом трудном на тот момент польском вопросе.

